

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

**ТАЙНА
ФРАНЦУЗСКОГО КЛАДБИЩА**

Елена Арсеньевна Арсеньева

Тайна французского кладбища

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56123683

Елена Арсеньева. Большая книга ужасов. Самые страшные каникулы:

Эксмо; Москва; 2014

Аннотация

Летним каникулам Юли Комаровой можно было позавидовать! Она гостит в настоящей французской деревне, знакомится с настоящими французскими ребятами и вообще прекрасно проводит время. Вот только здешнее кладбище подкачало. Это тихое место совсем не кажется страшным. Оно больше напоминает сад, чем кладбище: густые деревья, старинные мраморные плиты, вазоны с изящными каменными цветами... Его мир и покой даже огорчают Юлечку, которая обожает ужастики и вообще любит бояться. Она и не догадывается, что призраки старого кладбища уже следят за ней – и зря она думала, что их не стоит бояться!

Книга также выходила под названием «Ночь на французском кладбище».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Елена Арсеньева

Тайна французского кладбища

Сонику и Анику

Прозвучал сигнал.

Настало время проснуться.

Сигнал был похож на звук горна, который солдат слышал когда-то – давным-давно, когда был мальчишкой. Он ощутил, как улыбка тронула его неподвижные, оледенелые губы.

Что-то запищало рядом, затрепетало, будто вспугнутая птица.

Солдат вспомнил, как враг подкрался к нему... Заметив его, солдат выхватил пистолет и выстрелил. Он попал врагу в руку, однако тот успел дать очередь из автомата. Он расстрелял солдата в упор. Это случилось возле каменной ограды, увитой виноградом, и дикий голубь, который испуганно метнулся из-под узорчатых листьев, упал рядом с солдатом, сраженный той же очередью.

Враг перевязал раненую руку, с ненавистью пнул мертвое тело, забрал пистолет солдата – и ушел.

Он вернулся в деревню, уселся на свой тяжелый черный мотоцикл и умчался с громким зловещим треском, которого так боялись в окрестных деревнях: услышав его, прятали

детей от того, кого они называли Огр, что значит людоед.

Иногда спрятать успевали. Иногда – нет...

Мотоцикл исчез вдаль, а убитый остался лежать под стеной, и дикий голубь, почти наполовину разорванный пулями, лежал рядом.

Потом, когда жители деревни похоронили солдата, они почему-то положили рядом с ним мертвую птицу.

Они вместе уснули вечным сном – и сейчас вместе проснулись.

Солдат накрыл ладонью голову птицы, чтобы успокоить ее.

Голубь доверчиво притих. Они так много лет провели рядом, что стали будто одним существом.

Солдат прислушался. В своем сне, который люди называют вечным, он узнал, что на самом деле ни вечного сна, ни вечного покоя, ни вечной тишины не существует. Он постоянно слышал шаги своих соседей по загробному существованию: тех, кто лежал на этом маленьком деревенском кладбище или по соседству.

Соседи – каждый в свой срок – выходили и возвращались.

Солдат слегка улыбнулся, узнав походку Мирабель. Он никогда ее не видел, но знал, что она прекрасна в своем белом платье, с распущенными золотыми волосами.

Здесь все и все знали о своих соседях по кладбищу!

Триста или четыреста лет тому назад Мирабель была дочерью крестьянина и самой красивой девушкой в округе. Ее

просватали за хозяина мельницы, что стоит под горой, в долине реки Серен.

Ей было всего шестнадцать, а мельнику – семьдесят лет. Мирабель была влюблена в его внука. Но парню нашли богатую невесту и пригрозили, что лишат наследства, если заартачится. Когда Мирабель узнала, что любимый женится на другой, а ее все же отдадут старому мельнику, она утопилась – накануне своего венчания.

Конечно, как всякую самоубийцу, Мирабель похоронили за кладбищенской оградой. Однако кладбище с тех пор разрослось, и могила Мирабель оказалась внутри ограды.

Всем было известно, что Мирабель любит гулять по ночам.

Время пребывания призраков на земле было строго ограничено. Следовало возвращаться с третьим криком петуха. Не вернулся – погибнешь с рассветом, если не найдешь темное укрытие, где можно переждать день.

Мирабель всегда возвращалась со своих прогулок вовремя. Но некоторые призраки не хотели возвращаться. Эти были самыми опасными, и оставалось только пожалеть тех людей, которым приводилось с ними встретиться.

Вот так же можно будет пожалеть и тех, кому встретится враг...

Солдат знал, что сигнал проснуться для Огра прозвучал почти в то же самое мгновение, что и для него. Ведь враг погиб на лесной дороге спустя каких-то полчаса после то-

го, как застрелил солдата и птицу. Из-за раненой руки он не справился с управлением, мотоцикл налетел на дерево и взорвался. Останки Огра и обломки черного мотоцикла рухнули в распадок, густо заросший боярышником и затянутый плющом.

Солдат был убит за то, что помешал врагу и спас жизнь многих детей. Теперь он должен воскреснуть для того, чтобы вновь ему помешать и спасти новые жизни.

И вот часы на церковной башне начали бить полночь.

Пора!

Замшелый камень сдвинулся, медленно разверзлась могила.

Солдат вышел; вслед выпорхнула птица и тотчас села ему на плечо.

Они чутко вслушивались в тишину, которая бывает только на старых кладбищах. Они вслушивались в шум ветра, который перебирал вершины деревьев и шелестел еще не сжатой пшеницей на полях, окружавших деревню. До них долетал каждый звук!

И они отчетливо расслышали грохот осыпавшихся камней и треск деревьев там, вдали, в лесу, где из расщелины выбирался враг.

– А это кто? – спросила Юля, разглядывая черно-белую

фотографию в красивой бронзовой рамке. Рамка потемнела от времени, фотография пожелтела. – Это ваши родственники?

Лиза покачала головой:

– Это все уже было, когда папа дом купил. От старых хозяев осталось.

– Таких родственников я не хочу, – пробормотала Таня.

Юля была с ней вполне согласна. Кому охота иметь таких унылых родственников? Какие-то тощенькие дети, плохо одетые, в поношенных пальтишках, грубых башмаках. Девочка с кудрявыми волосами, наголо стриженный мальчик с оттопыренными ушами и еще один – в слишком большой для него кепке. Рядом стояла печальная женщина в черном платье.

Все они были сфотографированы на фоне маленькой часовни, которая до сих пор стояла на перекрестке в центре деревни.

– Наверное, эта фотка тут стоит со времен красоты Мирабель, – сказала Лиза, и сестры засмеялись.

Здесь, в деревне, сказать «со времен красоты Мирабель» значило то же, что «с незапамятных времен». Юле очень нравилось это выражение, поэтому она тоже засмеялась. Хотя о том, кто такая красotka Мирабель, никто из девочек понятия не имел. Да и вообще никто ничего о ней не знал. Мирабелью называлась мелкая желтая слива, которая в изобилии росла в местных садах. То ли ее называли в честь какой-то

красотки, то ли какую-то красоту – в ее честь, неведомо.

– Рамка симпатичная, – сказала Юля.

– В спальне у родителей точно такая же стоит, но в ней наша с Лизкой фотография, – сообщила Таня. – Ее папа купил на вид-гренье.

– Фотографию? – удивилась Юля.

– Да нет, рамку! – расхохоталась Таня. – Хотя фотографии на вид-гренье тоже продаются. И такие же уродские, как эта, и красивые. Всякие! Да там вообще все продается!

«Вид гренье» в переводе с французского – «пустой чердак». Юля уже знала, что так во Франции называют маленькие базарчики, которые устраивают по выходным дням то в одной, то в другой деревне. По-русски их бы назвали «баранки». Здесь продают все, что залежалось, застоялось, завалялось в старинных домах на чердаках, в подвалах, в укромных уголках с незапамятных времен, что осталось от красот Мирабель, бабушек и прабабушек, все, что уже не пригодится в хозяйстве и просто надоело. Продают за бесценок, ради развлечения. И что-нибудь покупают – столь же дешевое и, может быть, столь же ненужное. А потом снова продают – на другом таком же базарчике!

Некоторые торгуют одним и тем же товаром годами, десятилетиями, целыми поколениями, и наконец даже самая ненужная вещь, которую безуспешно пытался продать дед или прадед, находит своего покупателя при внуке или правнуке.

– Вот приедет папа – и мы помчимся на вид-гренье! – целую неделю слышала Юля и ждала этого дня с таким же нетерпением, как все.

Мсье Верьер, отец Лизы и Тани, приезжает этой ночью. У него начинается отпуск, и девчонки уверяют, что теперь они все субботы и воскресенья будут колесить по разным базарчикам. Конечно, Юлю возьмут с собой, а как иначе? Она ведь гостья!

«Нашим расскажу – поумирают от зависти, – подумала Юля. – Если вообще кто-нибудь еще остался жив, когда узнал, что я сюда уехала!»

Прямо скажем, у ее одноклассников были все основания скончаться от зависти! Ну что у них за каникулы?! Курам на смех. Валерку Черкизова сплавили к дядьке в волжский городишко, Володьку Зиновьева увезли к родне в тьмутаракань, аж на Дальний Восток, Зойка Семенова, наверное, проторчит все лето в городе...

А Юля попала в самый настоящий Париж. В столицу Франции!

Мамина подружка тетя Марина замужем за французом, Морисом Верьером. У них две дочки, Лиза и Таня: как их называет мама – девочки русско-французского производства. В прошлом году на весенние каникулы Лиза и Таня приезжали в Нижний Новгород к бабушке и подружились с Юлей. Они каждый день ходили то в кино, то в театр, то в Крейзи-парк в «Фантастику».

Но шутка в том, что у французских школьников каникулы с нашими не совпадают. Девочки приехали во второй половине апреля, как-то ни то ни се. Сколько уроков Юля пропускала... Потом Мадам Жужу, их учительница французского, спросила: «Надеюсь, Комарова, у тебя благодаря этому общению улучшился разговорный язык?» И как начала гонять ее по формам прошедшего незавершенного времени, которое как раз проходили! А Юля ни бе, ни ме, ни кукареку.

Конечно, поставили двойку...

После этого мама и решила отправить Юлю во Францию на летние каникулы. Улучшать разговорный язык!

Тетя Марина прислала приглашение, Юле оформили загранпаспорт и визу, мама отвезла дочку в Москву, а потом Юля долетела до Парижа под присмотром знакомой стюардессы. В аэропорту Шарль-де-Голль ее встречала вся семья Верьер.

Пока ехали из аэропорта, решали, как Юле называть мсье Верьера. Онкль Морис, то есть «дядя Морис»? Так здесь не принято. Французы чуть ли не с первой минуты переходят на «ты» и зовут друг друга по именам, но Юля ну никак не могла называть отца своих подружек на «ты» и просто Морисом!

– У нас менталитет другой, – понимающе кивала тетя Марина.

– А как зовут вашего отца? – спросила Юля у мсье Верьера.

– Виктор.

– Можно, я буду звать вас Морис Викторович? – предложила Юля.

– Ну что с тобой делать, зови, – со смехом согласился тот. – Морис Викторович – это даже забавно.

– Пап, тебе здорово повезло, что нашего дедушку не зовут Жак или, к примеру, Луи! – хихикали Лиза и Таня. – Или Тома!

– Тома – нормально, это по-русски Фома, был бы Морис Фомич, – успокоила тетя Марина.

После этого хохотали так, что пришлось съехать на обочину, чтобы автомобиль не потерял управление.

Сначала Юля пожила в огромной квартире Верьеров на рю де Прованс в Париже. Лиза с Таней водили ее в свои любимые места: в сад Тюильри, где поставили грандиозные аттракционы, в красивый парк Монсо, где можно кататься на пони, в Люксембургский сад, где самая лучшая игровая площадка, ну и пони тоже есть.

В чудесном новом аквапарке, который называется «Аквабульвар», провели целый день, не вылезая из воды! До одури вертелись на карусели на холме Сакре-Кер – там была любимая красная лошадка, на которой девчонки катались с тех пор, как себя помнили. Ели мороженое «ром-разан» на набережной Сены, и Юля теперь знала, какое мороженое самое вкусное в мире.

Ну и просто так ходили по улицам, смотрели школу, где

останется доучиваться Таня, и коллеж, куда перейдет теперь Лиза¹.

Мама наказывала побывать в Лувре, но там всегда такие очереди... Вот приедет мама в августе Юлю забирать – может, тогда они и сходят в Лувр. А пока и без музеев дни летят слишком быстро!

Незаметно промчалась неделя парижской жизни, а потом началась невыносимая жарища, которую здесь называют «каникюль» – собачья жара. Мсье Верьер посадил жену, дочек и русскую гостью в автомобиль и увез в Бургундию, в деревню. Там каменный дом, где прохладно даже в каникюль, там огромный старый сад, там чистый воздух!

Сам он вернулся в Париж, а семья осталась в деревне.
В Муляне.

Призрак врага стоял посреди дороги и озирался по сторонам, пытаясь справиться со своими воспоминаниями.

Они путались, то сбегались, то разбегались. Призрак врага вспоминал себя, свою жизнь и свою удивительную силу. Он был не таким, как все... не зря многие называли его колдуном! Он и был колдуном. Он служил в могучей, прослав-

¹ Дети во Франции с шести до десяти лет посещают начальную школу («эколь примэр»), затем, с одиннадцати до четырнадцати, – «коллеж», а затем переходят в лицей, в котором обучаются до семнадцати лет.

ленной армии. Он мечтал помочь этой армии добиться власти над миром!

Но ему помешали. Его уничтожили! Однако он восстал из мертвых, чтобы достичь своей цели.

Но для этого необходимо тело. Его собственное давно сгнило в распадке, а то, что не сгнило, было пожрано зверьем. Призраку нужно было тело – какое угодно, прямо сейчас, чтобы его мысли и чувства могли окрепнуть в живой крови! Это другие призраки могут летать бестелесно над землей. А он должен действовать – пусть чужими руками – и думать – пусть чужой головой!

Призрак оглянулся на ту мрачную расщелину, где десятки лет гнили его останки. Там еще оставались его рабы... Их он когда-то нашел в этой глухой деревушке, куда его забросили превратности судьбы. Там же, в обломках мотоцикла, валялся флакон со средством, необходимым для того, чтобы вернуть их к жизни и покорности. Флакон был всего один, но этого пока хватит. А потом придется рабам постараться и поискать еще!

«Милые детки, – подумал он ехидно. – Из-за вас я погиб, но теперь вы поможете мне воскреснуть! Погодите, я до вас доберусь, и вы сделаете все, что мне нужно!»

Сейчас он не мог достать их и заставить работать на себя. Но он сделает это, когда получит свое новое живое тело.

Послышался шум приближающегося автомобиля, и призрак увидел его еще издалека: черный, гладкий, сверкающий

под луной полированными боками. За окном виднелся силуэт человека.

Если бы человек шел пешком, призрак врага легко завладел бы его телом. Но дух его был еще слишком слаб и медлителен, чтобы проникнуть сквозь металл.

Что же делать? Кровь, ему нужна была живая кровь!

И вдруг из леса наперерез автомобилю метнулась тень. Удар... Что-то отлетело на обочину, и призрак услышал слабый, прощальный писк, с которым душа какого-то незадачливого барсука покинула свое тело.

Вздумалось же ему перебежать дорогу именно в это мгновение!

«Вот что такое судьба!» – философски рассудил призрак. Автомобиль взвизгнул тормозами и остановился.

Призрак настороженно замер.

Хлопнула дверца, послышались шаги.

Человек шел от машины, освещая дорогу фонариком. Он понял, что кого-то сбил, и отправился посмотреть, нельзя ли помочь.

Призрак Огра захохотал бы, если бы мог. Человек собирался помочь барсуку! Его мучили угрызения совести из-за какого-то паршивого барсука!

Сколько людей сгубила ненужная жалость... Сгубит она и этого глупца, презрительно подумал призрак.

Он уже готов был ринуться к человеку и завладеть его телом... Но... Что-то произошло, что-то непонятное! Внезапно

ное оцепенение сковало его, он не мог двинуться с места, как ни пытался!

Между тем человек увидел убитого барсука, огорченно присвистнул, разглядывая его, покачал головой, вернулся в свой автомобиль и умчался.

И призрак почувствовал, что снова способен двигаться.

Но те мгновения, которые он провел в бессмысленных усилиях, борясь с неподвижностью, изнурили его. Если он не сможет прямо сейчас отдохнуть в чужом теле, то делается подобен бессильному белесому туману, который витает по ночам близ дорог.

Человек ускользнул, но остался мертвый барсук... Это лучше, чем ничего!

Призрак приблизился к неподвижному зверю и слился с его телом, ощутив острое счастье в тот миг, когда вновь сделался существом из плоти и крови.

Теперь он знал все об этом барсуке – и о его незамысловатых желаниях, и о вечных инстинктах. Если бы вселился в тело человека – знал бы все о нем, о его прошлом и настоящем, о друзьях и врагах. Власть над телом – это и власть над памятью!

Мертвый зверек встал, потянулся, вскинул окровавленную голову, принялся – и ринулся через лес к деревне.

Призрак пытался его остановить: ему нужно было вернуться в распадок и найти своих помощников! – но он был еще слишком слаб, чтобы справиться со звериным телом,

вновь ощутившим радость жизни. Пока приходилось ему по-виноваться.

Но призрак был убежден, что вскоре сумеет подчинить себе и тело барсука, и ту новую судьбу, которая теперь его ждала.

Moulin – произносится «мулян» – по-французски «мельница». Почему так называли деревню – неизвестно: мельниц в Муляне и в помине нет. Одна-единственная стоит в шести километрах, в городке Нуайер на реке Серен, да и та давным-давно не работает.

Впрочем, и без мельниц здесь все великолепно, думала Юля.

Правда, в старом доме жили пауки – сухонькие, тонконогие, безобидные и нестрашные, какие-то на вид почти сказочные. И они со сказочной быстротой оплетали все углы паутиной. Со стен, давно не знавших ремонта, осыпалась известка. Поэтому каждый день приходилось начинать с обметания пыли в этом замечательном доме, которому невесть сколько лет: двести, триста, четыреста... Конечно, теперь в нем все современные удобства – но пауки явно средневековые!

Юля сначала решила, что здесь находится родовое гнездо семейства, но потом узнала, что этот дом купили два или

три года назад. Далекие предки Верьеров жили в этих местах очень давно – вполне возможно, во времена красотки Ми-рабель! – и месяе Морису было приятно иметь дом в этих местах.

Вот такой – старый, пыльный, таинственный, со скрипучими ступенями, полный старинных, загадочных вещей...

Замечательный дом! Он просто создан для того, чтобы в нем водились привидения!

К тому же он стоял неподалеку от старой, замшелой церкви с часовой башней и деревенского кладбища. Отсюда просто валом должны валить призраки!

Но кладбище поначалу разочаровало Юлю. Оно оказалось просто каким-то садиком! Чистенькое, аккуратненькое, ухоженное, на мраморных и гранитных плитах стоят вазоны с цветами, но не настоящими и не бумажными, а высеченными из камня.

Слишком красивое кладбище, недовольно подумала Юля. Слишком красивое и нестрашное! Откуда тут взяться призракам?!

То ли дело русские деревенские кладбища! Покосившиеся серые кресты, осевшие памятники, провалившиеся могилы, заросшие пожухлой травой... Жутко оказаться там ночью: небось мертвецы мигом к тебе сбегутся, протягивая костлявые руки! А на мулянском кладбище и ночью, наверное, ничуть не страшно. Как в парке!

Потом Юля обнаружила два старых-престарых, вросших в

землю семейных склепа и несколько замшелых плит со стертыми надписями – и немножко примирилась с красотой и безобидностью французского кладбища.

Определенно, если призраки здесь есть, они водятся именно в этих склепах и под этими плитами. Надо их только дожидаться!

Но, честно признаться, ни одного привидения Юле пока не встретилось, и в старом доме никакой призрака не появилось. Однако она не сомневалась, что рано или поздно такое случится. И ждала этого великого события каждую ночь.

– Кажется, Жибе идет! – вдруг вскрикнула Таня, глянув в распахнутое окно, и сестры, побросав метелочки для пыли, разом перевесились через подоконник.

Юля продолжала прилежно сметать пыль. Не потому, что хотела показать себя такой уж трудолюбивой девочкой. Просто ей не слишком-то нравился Жибе.

Жибе – это сокращенное имя Жан-Батист, очень популярное во Франции. Всех Жан-Батистов обычно зовут Жибе.

Ужасно противно, втихомолку думала Юля. Похоже на «жабу». И на овцу.

Жибе-е-е...

– Привет, Жибе! – закричали сестры хором.

– Привет! – послышался в ответ хриплый голос. – Пойдем достраивать кабан? Или покатаемся на велосипедах?

Юля хмыкнула. Когда она первый раз услышала про кабан, то обиделась и решила, что Жибе над ней насмехается.

Как можно строить дикую свинью?!

Оказывается, кабан – это по-французски «шалаш». После сильного ветра на земле валяются сбитые с деревьев сломанные ветки. Жибе их собирал и сооружал из них каркас. Покрывал его сухой травой – и кабан был готов.

Таких кабанов в каждом укромном закоулке Муляна он настроил невесть сколько. Его главный кабан находился в маленькой рощице на самой окраине деревни. Таня и Лиза говорили, что он покрыт непромокаемой тканью, там стоят столик и стульчики, можно приходить и читать комиксы, которых у Жибе полно. И вообще там классно!

Они звали Юлю посмотреть кабан, но она не пошла. И предпочитала зубрить французские неправильные глаголы, когда сестры вместе с Жибе сооружали очередной кабан в их огромном заброшенном, заросшем высокой травой саду, где было полно деревьев, усыпанных мелкой желтой очень сладкой сливой – мирабелью.

Юля сидела над книжкой, а из сада доносился хохот девчонок – и низкий, хриплый голос Жибе.

Слова он произносил ужасно неразборчиво, про таких говорят – у него каша во рту. Юля понимала Жибе с пятого на десятое и за это не любила его еще больше.

А как он одет! В какую-то ужасную майку и джинсы до колен, а темные волосы у него мелированы – некоторые пряди высветлены.

Жибе довольно взрослый, ему, наверное, лет двадцать, а

он все время проводит с детьми. Лизе, как и Юле, двенадцать, Тане вообще десять. В деревне есть и мальчишки – Ксавье, Мишель, еще двое-трое, приехавших на каникулы к родственникам. Этим хотя бы по пятнадцать-шестнадцать, но Жибе водится только с девчонками-малолетками. Еще здесь живут Рашель и Клер, но их обеих родители на весь день увозят в центр досуга, что-то вроде наших городских школьных лагерей, в их школу в Нуайер (в Муляне нет своей школы, даже магазина нет, это совсем маленькая деревушка). А Таня и Лиза остаются. И Жибе к ним каждый день приходит, как будто к лучшим подружкам.

– Скажите спасибо, что у нас тут есть такой летний гувернер! – беззаботно хохочет тетя Марина, когда Юля начинает удивляться частым визитам Жибе. – Он просто задержался в детстве, оттого ему скучно со сверстниками, а с малышкой интересно.

Но Юля считает, что сказать про человека «Он задержался в детстве» – это то же самое, что сказать «Он отстает в развитии». Жибе сущий ботан и тормоз! Как это он умудряется учиться в университете, да еще на медицинском факультете? Он хочет стать патологоанатомом. Это само по себе ужасно странно: кому охота возиться с трупами?! Вдобавок, Жибе предпочитает говорить, что станет доктором мертвых.

Жуткое название! Сразу представляется какой-то особенный доктор, к которому бредут одноногие, безглазые или вообще безголовые мертвецы...

От этого у Юли мурашки по коже бегут.

Но именно за эти мурашки она многое прощает Жибе. Потому что больше всего на свете Юля любит бояться!

Вслед барсуку с ветвей высокого ясеня смотрела Мирабель. Смотрела – и сама себе дивилась...

У нее были некие особые привилегии, которые мог получить лишь тот призрак, кого не забыли люди и чье имя часто произносят. Ее имя звучало в мире живых чуть не каждый день: и из-за названия сливы, которая росла чуть ли не во всех бургундских садах, и из-за присловья «со времен красотки Мирабель», которое полюбилось жителям окрестных деревень.

Поэтому Мирабель была свободней и сильней многих призраков. Например, она могла передвигать предметы с места на место и даже, если хотела, могла оставаться незримой и для призраков, а не только для людей. А еще она могла выходить из могилы днем, но, разумеется, прячась в густой тени и ни в коем случае не попадая под смертоносный солнечный свет.

Мирабель всегда держалась скромно и не кичилась своими возможностями. Она никогда ни с кем не ссорилась и не вступалась за людей, которым досаждали призраки. Даже за жертв вампиров не вступалась. У каждого своя судьба, и не

привидению девушки-самоубийцы менять чужую участь.

Почему же она защитила человека, на которого намеревался наброситься оголодавший призрак? Что заставило ее это сделать?

Жалость? Странно...

Она положила призрачную руку на призрачную грудь, где когда-то, во времена незапамятные, билось бедное сердечко живой красотки Мирабель. Эта девушка была отчаянно влюблена, она знала горе и счастье, печаль и нежность...

Вот! Вот название чувству, которое заставило ее спасти человека! Она ощутила к нему нежность!

Но почему? Кто он?

Мирабель не знала...

Ну да, Юля любила бояться! А чем это плохо – бояться и дрожать? Это ведь ужасно приятно – когда у тебя замирает сердце, а к спине словно бы чьи-то ледяные пальцы прикасаются. Хочется обернуться, но этого делать нельзя ни в коем случае (недаром во всех сказках говорится: «Иди вперед, но не оглядывайся!»): а вдруг за спиной кто-то стоит, кто-то мертвенно-бледный, и тянет к тебе руки, и ты пытаешься убежать, но руки все длинней и длинней, и наконец ты схвачена, и руки медленно подтягивают тебя к ужасному чудовищу, и ты видишь оскал его голого черепа с пустыми

глазницами и кривыми окровавленными зубищами, которыми этот полусгнивший вампирюга намерен впиться в твое незащитное горло...

Ух, кайф!!!

Но еще больше, чем бояться сама, Юля обожала пугать других. Самым любимым ее развлечением было на ночь глядя кому-нибудь позвонить и загробным голосом провить какую-нибудь страшилку.

Одна беда: одноклассники и друзья уже отлично знали, зачем им в такую позднотищу звонит Юля Комарова, и просто не отвечали. А некоторые вообще заблокировали ее звонки – занесли номер в черный список.

И родилась новая страшилка: «В черном-черном городе есть черная-черная улица, на черной-черной улице стоит черный-черный дом, в черном-черном доме есть черная-черная комната, в черной-черной комнате стоит черный-черный стол, на черном-черном столе лежит черный-черный мобильник, в этом мобильнике есть черный-черный список, а в черном-черном списке сидит Пугало и завывает: «Слушай мою новую страшилку!»

Пугалом друзья и одноклассники звали ее, Юлю Комарову...

Но, приехав во Францию, Юля почувствовала себя практически счастливой. Лиза с Таней тоже обожали страшилки и ужастики, поэтому они с восторгом выслушали весь Юлин репертуар. Одна беда – ответить ей ничем полезным

не могли. Слишком мало ужастиков знали! Зато ботан и тормоз Жибе оказался просто неиссякаемым источником жутких историй, которые Лиза и Таня исправно пересказывали Юле, и той не надоело слушать.

Особенно Юле нравилась одна страшилка – ну просто до сладкой дрожи! Она называлась «Кукла».

Пришла девочка по имени Мари-Элен в магазин и увидела куклу, которая ей необыкновенно понравилась. Одна рука у куклы была сжата в кулачок, только два пальца торчали. Ну, Мари-Элен куклу купила, а продавец на прощанье сказал:

– Ты никогда не должна расставаться с этой куклой. Идешь в школу – бери ее с собой, спать ложишься – бери с собой. Ни на минуту не оставляй ее одну!

Сначала Мари-Элен и в самом деле не расставалась с куклой. Даже в туалет ее с собой брала. Но вот как-то раз забыла ее на кухне, поднялась в свою комнату и села делать уроки. Вдруг слышит – кто-то ходит внизу. А девочка была дома одна, она удивилась и кричит:

– Кто там?

И слышит незнакомый голос:

– Мари-Элен! Я поднимаюсь на первую ступеньку!

Девочка решила, что ее разыгрывает кто-то из подруг, потому что голос был девчоночий.

– Мари-Элен! Я поднимаюсь на вторую ступеньку!

– Ну и поднимайся, – сказала она беззаботно, а голос зву-

чал снова и снова:

– Мари-Элен! Я поднимаюсь на третью ступеньку! Мари-Элен! Я поднимаюсь на четвертую ступеньку! Мари-Элен! Я поднимаюсь на пятую ступеньку!

Девочке стало страшновато, а голос не умолкал:

– Мари-Элен! Я уже в коридоре! Мари-Элен! Я открываю к тебе дверь!

Дверь распахнулась – на пороге стояла кукла! Девочка закричала, но было поздно: кукла набросилась на нее и перегрызла ей горло.

Потом кукла спокойно вышла из дома и вернулась к магазину. Постучала – продавец открыл ей дверь.

– Я сделала свое дело! – сказала кукла.

Продавец довольно улыбнулся и поставил ее на ту же полку, где она стояла раньше. Но теперь у куклы точали не два, а три пальца...

Юля, Лиза и Таня то и дело разыгрывали эту очаровательную страшилку перед сном. Каждая по очереди была куклой, продавцом и Мари-Элен. В конце концов тете Марине надоели эти хождения по скрипучим ступенькам и разноголосые завывания: «Мари-Элен! Я поднимаюсь на первую ступеньку! Мари-Элен! Я поднимаюсь на вторую ступеньку!...» – а потом ужасные вопли загрызаемой Мари-Элен. И она строго-настрого запретила устраивать эти спектакли, особенно на ночь глядя.

– Вы меня до того довели, что я боюсь одна в комнате

оставаться, – сказала тетя Марина сердито. – Все время чудится, что ступеньки скрипят. А сегодня папа возвращается, мне его допоздна ждать, буду сидеть и от страха трястись! Так что забыли про Мари-Элен! Понятно? Иначе никаких вам вид-гренье!

Потом она пожелала девчонкам спокойной ночи, каждую поцеловала, выключила свет и ушла.

Девочки были так поражены страшной угрозой, что лежали, не смея пикнуть, и скоро Лиза и Таня уснули – Юля поняла это по их ровному дыханию.

А ее сон, как назло, не брал, хотя часы на церковной башне около кладбища пробили уже и десять, и одиннадцать, и полночь. Их удары разносились по всей деревне.

Окна были отворены настежь, а ставни, наоборот, закрыты, чтобы девочек не беспокоил по утрам яркий свет и не мешал спать подольше. К сожалению, закон подлости, согласно которому в будние дни невозможно проснуться, а в выходные и на каникулах вскакиваешь ни свет ни заря, оказался международным законом и действовал не только в России, но и во Франции. Все просыпались рано!

В ночном небе висела огромная серебряная сверкающая луна. Сквозь щели в ставнях проникали ее лучи и тонкими ровными бледными полосами ложились на пол.

Известно, что спать по ночам нужно с закрытым ртом: если в открытый рот попадет лунный луч, можно сделаться оборотнем и начать выть на луну.

Юля встревожилась: а вдруг Лиза и Таня этого не знают?! Хотела им об этом рассказать, но, во-первых, девочки уже спали, а во-вторых, разговор могла услышать тетя Марина.

Вообще-то она уже давно должна была спуститься на первый этаж, где находились салон (так французы называют гостиную), столовая и кухня, но почему-то все еще бродила туда-сюда по лестнице. Старые, разошедшиеся ступеньки легонько поскрипывали в такт ее шагам. Иногда тетя Марина старалась ступать осторожно, скрип был еле слышным, а иногда почему-то прыгала через две ступеньки, хотя на лестнице перегорела лампочка и запросто можно было ноги переломать. Поскольку запасной лампочки в кладовке не нашлось, ее должен был привезти мсье Верьер. А пока тетя Марина выдала девочкам электрические фонарики (один Лизе с Таней, другой Юле), строго-настрого запретив выходить на лестницу без них. Сама она подсвечивала себе мобильником. Однако сейчас почему-то сновала туда-сюда в темноте: в дверную щель Юля не видела мелькания светлого луча.

На улице послышался рокот мотора, который затих около дома. Распахнулась дверь на террасу, и радостный голос тети Марины долетел, к Юлиному изумлению, снизу:

– Морис! Ты уже приехал! Как здорово, а я уже приготовилась тут до утра сидеть! Очень спешил, да?

– Слишком спешил, – ответил мсье Верьер после довольно продолжительной паузы, которая, как смекнула Юля, означала поцелуй.

Правда, голос Верьера звучал почему-то грустно.

– Что значит – слишком спешил? – насторожилась тетя Марина.

– Да гнал всюду и сбил на лесной дороге барсука. На-
смерть.

– Ух ты, как жалко! – воскликнула Марина. – А точно на-
смерть?

– Да, я вернулся посмотреть, – пояснил мсье Верьер. –
Кошмарное зрелище. Наверное, за миг перед тем, как бед-
нягу ударило, он повернулся к машине: у него была разбита
голова спереди, нос вдавлен в череп...

– Господи, какие ужасы! – воскликнула тетя Марина. –
Перестань! Я кое-как уговорила девчонок, которые беспре-
станно завывали про какую-то куклу-убийцу, а тут собствен-
ный муж оказывается убийцей несчастного барсука.

– Кукла-убийца? «Мари-Элен, я поднимаюсь на первую
ступеньку»? Ну, это классика жанра, – усмехнулся Верьер. –
Ладно, давай разберем сумки. Я там кучу еды привез, чтобы
не тратить завтра времени на магазины, а сразу мчаться на
вид-гренье.

И они вошли с террасы в дом.

Юля озадаченно нахмурилась. Вошли они как-то странно:
вроде бы находясь внизу – и в то же время взбегая на вто-
рой этаж по ступенькам, легкий скрип которых Юля слыша-
ла совершенно отчетливо.

А потом она услышала, что скрип приближается к спаль-

не.

«Мари-Элен, я открываю к тебе дверь!» – вспомнила Юля...

Призраку врага приходилось очень тяжело! Никак не удавалось справиться с юрким, подвижным телом барсука.

Зверя на бегу мотало из стороны в сторону. Он чуть не половину шерсти оставил на кустах ежевики, которой были плотно оплетены все лесные тропы.

Призрак Огра уже не раз пожалел, что связался с этой неразумной тварью. Вдобавок маленький мозг барсука был наспигован осколками костей, и это невероятно мешало думать. И все же враг смог добраться до деревни и даже найти дом, где находился один из тайников, в котором он спрятал когда-то свои драгоценные снадобья.

Он обежал дом несколько раз, прежде чем нашел вырезанный в задней двери кошачий лаз. Не без труда протиснулся в него, распрощавшись с очередными клочьями барсучьей шерсти. Крадучись двинулся к лестнице на второй этаж...

И тут наконец понял, что совершил грубую ошибку. Все-таки мысли его еще изрядно спутаны!

Напрасно он примчался в этот дом. Барсук не сможет вскрыть тайник, да и коробку с флаконами не унесет. Как, в зубах, что ли?! Сначала нужно было пробраться в лаборато-

рию... Нет, сначала нужно воскресить рабов! Средство для этого есть!

И зачем он залез внутрь дома?! Тайник находился в стене конюшни. Но тело барсука, почуяв дивный аромат жареных кровяных колбасок, долетавший из кухни, совершенно вышло из повиновения. Видимо, зверек накануне гибели был ужасно голоден, а потому так и рвался к еде. Однако на кухне горел свет, и призрак Огра опасался, что там сыщется какая-нибудь палка, или кочерга, или каминные щипцы, которыми люди окончательно добьют его временное вместилище.

Вряд ли он сможет вселиться в кого-нибудь из них – в таком-то состоянии! Намучившись с барсуком, он теперь ни за что не справится с человеком.

Невероятным усилием воли Огр заставлял непослушное тело убраться из дома, но оно сопротивлялось. Все, что Огр смог, это направить барсука на второй этаж. Подальше от кухни и манящих запахов пищи!

Ступеньки поскрипывали под лапами. Иногда лапы отказывались повиноваться и пытались унести тело на кухню. Огр требовал вернуться на второй этаж, а барсук рвался на первый. Скрип ступенек казался оглушительным!

Один раз барсуку удалось-таки утащить свое тело вниз, к дверям кухни. И тут раздались голоса...

Огр прислушался. Говорили двое – мужчина и женщина. Мужчина только что вернулся домой и рассказывал жене,

как сбил на дороге барсука.

Огр очень жалел, что не может расхохотаться. Любопытно было бы взглянуть, каким стало бы лицо этого человека, если бы он увидел убитого им зверя в своем доме! Да еще и хохочущего!

Огр вспомнил, как много лет назад один крестьянин из этой деревни смог пробраться в его лабораторию. Он стоял и смотрел на то, во что Огр превратил его детей. И Огр увидел, как его глаза вдруг опустели. Увидел, как разум покинул голову крестьянина, как безумие овладело опустевшим мозгом. Это зрелище доставило ему величайшее наслаждение!

Ах, как бы ему хотелось увидеть подобное вновь!

Но вдруг хозяин этого дома окажется не из трусливых? Схватится за кочергу... Тогда барсуку, а значит, и призраку Огра несдобровать!

В это мгновение женщина воскликнула:

– Господи, какие ужасы! Перестань! Я кое-как уgomонила наверху девчонок, которые беспрестанно завывали про какую-то куклу-убийцу, а тут собственный муж оказывается убийцей несчастного барсука.

Девчонок? Она еле уgomонила девчонок?! То есть в доме находятся дети?

Дети! Наверху!

Ярость Огра дала такой мощный импульс телу, что барсук ринулся вверх по лестнице, как подстегнутый.

Вот две двери. За одной никого, Огр чуял это. За другой...

О, какое счастье... сейчас он найдет себе подходящее тело, хотя бы на время! С ребенком-то он как-нибудь справится!

Барсук приподнялся на задние лапки и навалился на дверь. Она открывалась внутрь и мягко подалась даже под его небольшим весом.

Еще не войдя, Огр окинул взглядом комнату.

Глаза заплывали кровью, но он все же рассмотрел стол, камин, фотографии на каминной полке...

Потом Огр взгляделся в глубину комнаты. Там стояли кровати. На них лежали девочки. Две спали, а третья, приподнявшись, смотрела, как медленно открывается дверь.

У Юли перехватило дыхание. Она напонила себе, что бояться – это здорово, это просто супер, но не помогло. Голоса тети Марины и мсье Верьера по-прежнему доносились снизу, из салона, сквозь разохшийся от времени щелястый пол, однако в это же самое время дверь в спальню девочек начала с тихим скрипом приоткрываться.

Кто же ее открывает?!

Ледяная лапа медленно прошла между Юлиными лопатками. Лапа была влажная, противная, мохнатая...

Ставни мягко стукнули на окне. На улице дул ветер, по дому гуляли сквозняки.

Наверное, и дверь в спальню открывает сквозняк!

Пора перестать трястись и уснуть наконец.

Вместо этого Юля приподнялась и тихонько потянула из-под подушки фонарик.

Очень хотелось спросить: «Тетя Марина, это вы?» – но губы вдруг перестали повиноваться.

Дверь открывалась все шире, поскрипывая на петлях.

«Это сквозняк!» – твердо сказала себе Юля, но тут же не выдержала и, вскинув фонарик, нажала на кнопку.

В один невообразимо краткий миг она обнаружила, что сквозняк, открывший дверь, имел облик серо-черного мохнатого зверька, стоящего на задних лапках. Вся голова его была разбита, окровавлена, а нос от сильного удара вдавился внутрь черепа.

Да ведь это барсук!

Вдруг тот самый, которого сбил на дороге мсье Верьер?

Мертвый барсук...

В это мгновение мертвый барсук как-то очень по-человечески заслонился верхней лапкой от света, а потом его заплывшие кровью глаза уставились на Юлю.

Она не могла шевельнуться, не могла даже закричать от страха – только смотрела и смотрела остановившимися глазами...

И вдруг по комнате словно ветер пронесся! Дверь захлопнулась, отбросив барсука в коридор. Его легкие шажки пронеслись куда-то в сторону ванной комнаты, звякнула окон-

ная створка. Что-то тяжелое упало на землю в саду: наверное, барсук выпрыгнул или вывалился из окна. Потом сухо зашелестела трава под уносившимся прочь зверем – и все стихло. Только снизу доносились безмятежные голоса хозяев, обсуждавших, долго ли еще продлится жара.

Жара?! Юле казалось, что наступила зима и она в одной ночной рубашке выброшена на мороз. Никогда в жизни ей не было так холодно, как сейчас! Ноги и руки стали совершенно ледяными. Юля сжалась в комочек, укуталась с головой в простыню и пыталась перестать трястись, но пока не получалось.

Бояться, конечно, здорово, но... но только того, чего не существует. А ведь она видела, своими глазами видела этого барсука! Вернее, его призрак...

Наверное, этот призрак явился к мсье Верьеру – требовать отмщения. А по пути просто ошибся комнатой.

Как хорошо, что свет на лестнице перегорел и у Юли оказался фонарик! Как хорошо, что она спугнула ужасного барсука! Вот завтра она расскажет все это девчонкам: как призрак сначала топтал по ступенькам, потом открыл дверь и заслонился лапкой от света...

Юля нахмурилась. А было ли все это на самом деле?! Стоит только начать здраво рассуждать, как понимаешь: померещилось. Во-первых, призраки не могут топтать – а этот топал! Во-вторых, он заслонялся лапкой от света... Это уж вообще ни в какие ворота! Девчонки со смеху попадают, а не

от страха!

Юле и самой стало на секундочку смешно.

Да был ли призрак-то? Может, и призрака никакого не было?!

Лиза с Таней рассказывали, что в прошлом году в Муляне случилось какое-то невероятное нашествие мышей. Мышеловки стали самым дефицитным товаром в округе. А вдруг и нынче вечером по лестнице бегала мышь? Вернее, крыса? Это ужасно, но все же лучше, чем призрак барсука.

Вот интересно, увидела бы его Юля, если бы не услышала за минуту до того рассказ мсье Верьера?

Вряд ли. Это рассказ произвел на нее такое страшное впечатление. Вот ей и привиделось...

Только и всего.

Юля вздохнула, стащила с головы простыню и легла по-свободней.

Конечно, она просто обожает бояться, но все же как здорово, что никаких призраков не существует и все это ей просто померещилось!

Солдат медленно, неуверенно двигался по темным деревенским улицам.

Было так странно идти, не чувствуя земли под ногами... Солдат еще не вполне освоился со своим бестелесным су-

ществованием и старательно огибал высокие каменные заборы, которыми были окружены здешние дома и сады. Он слышал, будто опытные призраки могут проходить сквозь любые препятствия, но сам он был еще слишком неловок и неумел. Птица сидела на его плече, настороженно поводя головой.

Солдат вспоминал прошлое. Мулян почти не изменился, только сады сильно разрослись и раньше не было вот этой платановой аллеи вдоль рю Шато.

Как жаль, подумал солдат, что он не может ощущать запахов. Он бы с наслаждением вдохнул аромат роз. Ими благоухал каждый сад, плети вьющихся роз свешивались через заборы, а внизу насажены были кусты лаванды, и эти два аромата смешивались. Как хорошо он помнил запахи, и неумолкающее воркованье диких голубей, и ночное кваканье лягушек возле старинного лавуара...

В той далекой стране, откуда солдат был родом, деревенские женщины белье стирали на мостках на берегу речки, а зимой ходили по льду к проруби. А здесь, во французской деревеньке, в низине, за огородами, невесть сколько веков назад был выстроен каменный домик. В центре пола располагался бассейн, вода постоянно втекала в одну трубу, а вытекала через другую в небольшой водоем, заросший камышом. Это место для стирки белья и называлось «лавуар».

Рядом была густая рощица. Однажды ночью солдат, ждавший здесь встречи со связным, случайно услышал разговор Терезы – местной крестьянки, муж которой был в плену, –

и колдуна Огра, служившего у фашистов. И узнал, что эта красивая женщина – предательница. Мало того – она, оказывается, ждала ребенка от врага! У нее в доме Огр прятал свои страшные снадобья...

Солдат решил найти их.

На следующую ночь он оставил людей из своего отряда ждать его на дороге неподалеку от деревни. Сам, один, пробрался в дом Терезы на окраине деревни и потребовал от- дать снадобья Огра. Иначе...

И пригрозил пистолетом.

Перепуганная Тереза сказала, что Огр уже забрал у нее все флаконы со своими снадобьями. Теперь он спрятал часть их в конюшне того большого дома с высокой террасой, который стоит перекрестке, возле часовенки. А остальные по- ложил в тайник в каменной ограде, которая тянется вдоль дороги к лавуару. Тайник находится в том месте, где стену обвивает дикий виноград.

Солдату потребовался час, чтобы отыскать тайник в ограде и уничтожить почти все флаконы.

Однако Тереза успела предупредить Огра. Тот подкрался к солдату и застрелил его, забрав с собой все, что осталось.

Вскоре враг и сам погиб. И вот теперь он, так же как и солдат, ищет свои колдовские снадобья, с помощью которых надеется вернуться в мир живых...

Призрак убийцы может быть окончательно уничтожен только призрачной рукой его жертвы. Таков закон отмще-

ния, таков закон всемирного воздаяния. Солдат должен отомстить не только за себя, но и за всех других жертв Огра. Ради этого он проснулся, ради этого восстал из могилы!

Но ведь враг может оказаться сильнее... Что, если он снова победит – и воскреснет с помощью той темной и страшной силы, которой посвятил жизнь?

Солдат знал, почему и он, и Огр пробудились именно теперь. Непримиимые противники, они вышли из могил и обрели свободу мыслей и передвижений, потому что здесь, в мире живых, вот-вот встретятся их потомки.

Их правнуки...

Нет, они не враги! Они даже не подозревают о том, что в давние времена солдат и Огр ненавидели друг друга и теперь должны сойтись в последней, смертельной схватке. Они даже не подозревают о том, что сами невольно помогут своим предкам.

Солдат еще не знал, кто он – его далекий потомок. Не знал он также, чьим предком является враг. Но он надеялся, что ощутит это при первой же встрече с тем или другим...

Пропели первые петухи. Первый знак к скорому возвращению. Нужно спешить, солдат еще ничего не успел сделать, ничего не нашел.

А вот и дом на перекрестке, о котором говорила Тереза. Сквозь ставни первого этажа пробивался свет. Наверху окна были темны. Наверное, там мирно спали дети. А где-то в старой конюшне спрятаны снадобья Огра, которые сохрани-

ли все свои страшные свойства.

Люди, которые живут здесь, даже не подозревают о них и о том, какой опасности подвергаются они сами и их дети...

Дети, Огру нужны дети!

И вдруг солдат ощутил, что враг где-то здесь, рядом.

Он в этом доме! Вон там, наверху.

Он рядом с дверью, за которой спят дети!

Солдат рванулся, пытаясь проникнуть в дом, но не смог.

Птица на его плече встрепелулась, захлопала крыльями, но не смогла взлететь. Призраки в первую ночь после пробуждения от смертного сна необыкновенно слабы, им необходимо проникнуть в чужое тело, чтобы сразу набраться сил.

Его враг имел это чужое тело! Солдат сквозь стены увидел барсука с разможенной головой, вставшего в дверях спальни. Заплывшими кровью глазами он взглянул на девочку, которая встревоженно приподнялась на кровати.

Эта девочка!.. Солдат сразу узнал ее. Если бы он был жив, он отдал бы жизнь, чтобы только спасти ее! Но он был призраком, и все, что он пока мог, это качаться на месте, подобно бестелесному, безвредному туману, и птица так же беспомощно колыхалась на его плече.

Какая это была мука!

В это самое мгновение наверху в комнате вспыхнул фонарик, и девочка увидела окровавленную морду зверька. И солдат ощутил ее ужас, ее оцепенение, ее бессилие перед страшным, завораживающим зрелищем.

И вдруг какая-то сила сорвала с его плеча птицу и бросила вперед, как бросают камень.

Птица стремительно прорвалась сквозь щели в ставнях, пронеслась через всю комнату, словно неудержимый порыв ветра, и ударилась о врага.

В это мгновение Огр вновь утратил власть над телом барсука. Тот ринулся наутек, не разбирая дороги, вывалился в какое-то окно, грузно стукнулся о землю и понесся куда-то, а призрак птицы реял над ним и гнал его прочь.

Снова пропели петухи.

Солдат оглянулся.

Где то существо, которое помогло ему?

Никого...

Он не знал, что за кустом отцветшего жасмина притаилась Мирабель.

Опять она вмешалась в чужие дела! Зачем?

Может быть, потому, что это дом того самого человека, которого она спасла от оголодавшего призрака на лесной дороге? А там, наверху, спали его дети?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.